

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ САЕНКО

Россия, Москва

ФОРМАНТ *-ЪТЬ И СКЛОНЕНИЕ СЛОВ ТИПА *НОГЪТЬ, *ОЛКЪТЬ, *ДЕГЪТЬ, *ДЕСЕТЬ И *ДЪНЬ В ПРАСЛАВЯНСКОМ

АБСТРАКТ:

Formant *-ъть and declension of words such as *nogъть, *olkъть, *degъть, *desetъ and *dънь in Proto-Slavic language

The article analyses the formation of the characteristic Proto-Slavic nominal declension paradigm, which originally included the words *nogъть ‘nail’, *olkъть ‘elbow’, *degъть ‘tar’, *desetъ ‘ten’ and *dънь ‘day’, later enriching itself mostly with derivatives with the formant *-ъть. The author looks at the history of the formant as well as its combinatory power, depending on the final consonant of the stem, which in its turn can help determine articulatory characteristics of the late Proto-Slavic language *1. Apart from that, derivatives with the formant *-ъть are subdivided according to corresponding chronological layers and a number of details related to their history are analysed.

KEY WORDS:

Proto-Slavic language – morphology – nominal declension.

Данная статья посвящена анализу истории формирования особой праславянской парадигмы именного склонения, изначально включавшей в себя слова *nogъть «ноготь», *olkъть «локоть», *degъть «дэготь», *desetъ «десять» и *dънь «день», а позднее пополнявшейся главным образом за счёт производных с формантом *-ъть. Описывается история этого форманта, а также его сочетаемость, зависевшая от конечного согласного основы, что оказывается важным для определения характе-

ра артикуляции позднеславянского *l. Производные с формантом *-тъ распределяются по хронологическим слоям, а также производится анализ некоторых деталей их истории.

1. Праславянские типы склонения обычно классифицируют по тематическому гласному, выделяя у консонантных основ подтипы по последнему согласному основы.

Традиционная классификация [Vondrák 1928: 8–55]:

1. *-o-, *-jo-;
2. (*-ā-, *-jā-) > *-a-, *-ja-;
3. *-i-;
4. *-u-;
5. *-ū-;
6. согласные основы (*-n-, *-r-, *-t-, *-s-).

При таком подходе слова *kamy «камень» и *dънь «день» попадают в подтип на *-n-, а *tele «телёнок» и *nogъть «ноготь» – в подтип на *-t- [Vondrák 1928: 46–47; 51–52]. Немного другую классификацию мы находим у А. Вайяна, который выделяет подтип согласных основ на *-t- (*nogъть), не объединяя его с основами на *-nt- типа *tele, но слово *dънь традиционно относит к *-n-подтипу [Vaillant 2: 224, 193–194].

Но нам более обоснованным видится иной подход, при котором основным параметром классификации является набор окончаний. В этом случае количество выделяемых типов склонения вырастает, однако повышается и точность классификации, становится значительно проще описать сложную ситуацию дробления типов склонения в праславянском и, что самое важное, классификация становится объективной [Саенко 2019].

Мы следуем принципу, согласно которому, для выделения парадигмы в отдельный тип склонения достаточно разницы в одно окончание. В этом случае для позднего праславянского *dънь и *nogъть следует объединить в отдельный тип склонения со своим набором флексий, отличающийся от типа на *-en- (*kamy) окончанием nom.sg. *-is > *-ь.

Таблица 1. Склонение слов «камень», «день» и «ноготь» в позднем праславянском (материал для реконструкции см. в параграфе 4)

	камень	день	ноготь
nom.sg.	*kamy	*dънь	*nogъть
gen.sg.	*kamene	*dъне	*nogъте
dat.sg.	*kameni	*dъni	*nogъti
acc.sg.	*камень	*dънь	*nogъть
voc.sg.	*kamy	*dънь	*nogъть
ins.sg.	*каменьтъ	*dъньтъ	*nogътъмъ
loc.sg.	*kamene	*dъне	*nogъте
n.-a.du.	*kameni	*dъni	*nogъti
g.-l.du.	*kamenu	*dъnu	*nogъtu
d.-i.du.	*каменьта	*dъньта	*nogътъта
nom.pl.	*kamene	*dъне	*nogъте
gen.pl.	*камень	*dънь	*nogътъ
dat.pl.	*каменьтъ	*dъньтъ	*nogътъмъ
acc.pl.	*kameni	*dъni	*nogъti
ins.pl.	*kamenu	*dъny	*nogъty
loc.pl.	*каменьхъ	*dъньхъ	*nogътъхъ

Спусковым крючком для становления этого типа склонения послужили фонетические изменения, происходившие в праславянском на конце слова. В какой-то момент кластер из двух согласных перестал быть возможным на конце слова, что привело к фонетическим изменениям в ауслaute слов на *-Vts и *-Vns. Предположительно упрощение ауслauta сперва затронуло слова на *-Vts, а лишь затем – на *-Vns.

Рассмотрим историю парадигм слов *nogъть и *dънь в сопоставлении с парадигмой типа *kamy. Можно выделить три праславянских этапа и один постпраславянский. Выстроить такую хронологию помогают данные балтийских языков.

Таблица 2. История парадигм слов «ноготь», «день» и «камень» в виде соотношения форм nom.sg. и gen.sg. в разные этапы

	I	II	III	IV
ноготь	*noguts : *nogutes	*nogutis : *nogutes	*nogъть : *nogъте	nogъть : nogъте
день	*dins : *dines	*dins : *dines	*dънь : *dъне	dънь : dъне
камень	*kāmons : *kāmenes	*kāmons : *kāmenes	*kamy : *kamene	камень : kamene

На первом этапе слова *noguts, *dins и *kāmons существуют в рамках единого согласного склонения. Затем происходит упрощение конечного согласного кластера *-Vts > *-Vs^{1,2}, что влечёт изменение парадигмы *noguts : *nogutes > *nogus : *nogutes.

На втором этапе парадигма выравнивается путём влияния формы асс.сг. на ном.сг. (*nogutis как *nogutin по образцу *-i-основ). Это изменение затронуло как праславянский, так и прабалтийский, ср. лит. *nagūtis* «ноготок» и прусск. *nagutis* «ноготь». С этого момента можно говорить о выделении основ *nogutis, *olkutis и *degutis в отдельный тип склонения. В прабалтийском такой тип склонения, вероятно, тоже существовал, о чём говорят реликтовые формы ном. и ген.пл. у основ на -utis /-utas в старолитовских текстах [Stang 1966: 223].

Третий этап относится к истории уже исключительно праславянского языка. Фонетическое изменение *-Vns > *-V̄s³ привело к появлению парадигм *dīs : *dīnes и *kāmūs : *kāmenes, после чего ном.сг. слова «день» прошёл через выравнивание основы, аналогичное описанному выше. Это привело к тому, что его парадигма стала идентичной парадигме слова «ноготь» и отличаться от парадигмы «камень». Это состояние реконструируется для позднего праславянского непосредственно перед распадом.

Наконец четвёртый этап является постпраславянским. Основы на *-en- типа *kamu постигло то же выравнивание основы номинатива по аккузативу, которое ранее произошло с «ногтем» и «днём». Основанием для хронологического разделения этого процесса в парадигмах *dънь и *kamu служит то, что форма *dънь является праславянской и продолжается всеми славянскими языками, в то время как *kamu сменился формой камень уже в постпраславянскую эпоху и не повсеместно. Старый номинатив обнаруживается в старославянском (камы наряду с камень), старохорватском (*kami* наряду с *kamen*) и полабском языках (*kotmōi*) [ЭССЯ 9: 137–138]. Его же мы находим с *-k-расширением: *kamu > *kamukъ [ЭССЯ 9: 140].

¹ Аналогичные изменения произошли в латыни и греческом, ср. лат. *anas* (G. *anatis*) «утка», *perōs* (G. *perōtis*) «внук» и греч. *ἔσθῆς* (G. *ἔσθῆτος*) «одежда».

² В связи с последующим выравниванием формы номинатива по аккузативу неясно, влекло ли это за собой также заместительное удлинение гласного (дискуссию о том, действовал ли закон Семереньи в случаях типа *-Vts см. в [Piwowarczyk 2015]).

³ Мы полагаем, что праславянская форма *kamu «камень» может быть непротиворечиво выведена только из *kāmōns (> *kāmuns > *kāmūs > *kamu). Потенциальная форма **kāmōn с результатом закона Семереньи дала бы **kamō. Напротив, для прабалтийского актуален закон Семереньи (лит. *akmiō* «камень» < *akmō).

После этого разница между парадигмами «ноготь» / «день» и «камень» снова затирается, вдобавок приблизительно в то же время начинается взаимодействие этого типа склонения с основами на *-о- и *-јо-.

2. Формант *-тъ

Суффикс *-ut- оформился, вероятно, в прабалтославянский период в результате расширения ряда *-у-основ суффиксом *-t- и последующего переразложения [Vaillant 2: 231]. Следует отметить, что *-ut- является, кажется, единственным новым суффиксом в праславянском языке, чьи дериваты попадали в согласное склонение. Вероятно, это можно рассматривать как свидетельство того, что он появился уже в довольно раннюю балто-славянскую эпоху.

В ряде случаев *-t- имел диминутивную семантику: *nogus⁴ «ноготь» > *noguts (G. *nogutes) «ноготок» (ср. лит. *nagūtis* «ноготок») и *olkus⁵ «локоть» > *olkuts (G. *olkutes) «локоток». Это значение сохранилось в современном литовском, но там суффикс -ut- не ограничен уже лишь дериватами от *-у-основ⁶: *žmogùs* «человек» > *žmogūtis* «человечек», *vilkas* «волк» > *vilkūtis* «волчонок», *meškà* «медведь» > *meškūtis* «медвежонок», *spīrgas* «шкварка» > *spīrgūtis* «шкварка» [Otrębski 1965: 265].

Нельзя не отметить, что более частотным в такой функции (образование диминутивов, которые впоследствии вытесняли старые основы, относившиеся к непродуктивным типам) в праславянском был суффикс *-k-: *āblu > *ablъko «яблоко» (первоначально «яблочко»), *sirdi > *sъrdъko «сердце» (первоначально «сердечко»), *sulni > *sъlnъko «солнце» (первоначально «солнышко»), *inzūs > *ęzyкъ «язык», *owis > *owikā > *owъka, *wļk^wih₂ > *wilkī > *wылčika «волчица»; *česnъ (*-u-) > *česnъkъ «чеснок», *kamъ > *kamъkъ «камень».

Я. Отрембский указывает на то, что в литовском суффикс -ut- чаще всего присоединяется к основам, заканчивающимся на заднеязычный

⁴ Первоначально, вероятно, согласная основа (*h₃ nóg^{wh}-s, G. *h₃ ng^{wh}-és [Kroonen 2013: 381]), перешедшая в прабалтославянском в типы на *-о- (о чём свидетельствует лексема *noga, носившая первоначально собирательный характер, а также литовское *nāgas* «ноготь») и *-у-. По всей видимости, первоначальной *-у- основой было и латинское *unguis* [de Vaan 2008: 641]. О возможной *-у-основе в прагреческом см. [Beekes 2010: 1086–1087]. По мнению некоторых исследователей, *-у-основой это слово было уже в праиндоевропейском, ср. реконструкцию Р. Матасовича: *h₃ nog^hu-, G. *h₃ ng^hew-s [Matasović 2009: 36].

⁵ Доказательством его *-у-основности является литовское *alkūnė* «локоть».

⁶ Более того, в литовском диминутивы могут образовываться и от прилагательных: *leñgvas* «лёгкий» > *leñgūtis* «лёгонький», *māžas* «маленький» > *mažūtis* «крошечный» и т.д. [Otrębski 1965: 265]. О других значениях суффикса -ut-, легко выводящихся из диминутивной семантики см. [Otrębski 1965: 264].

согласный [Otrębski 1965: 265]. Как нам кажется, этот фактор действовал уже в прабалто-славянскую эпоху и можно говорить о некоторой «синонимичности» формантов *-k- и *-t-, а также дополнительном распределении (*-t- присоединялся к корням на заднеязычный, а *-k- в остальных случаях). В то же время, даже следов согласного склонения у основ с суффиксом *-k-, кажется, не обнаруживается.

Сложно при этом избавиться от ощущения, что *-k- и *-t- могли выступать лишь в роли всего лишь своеобразных «заполнителей хиата», не имеющих иной функциональной нагрузки, подобно тому, как это происходило у глаголов, образованных от звукоподражаний и подобных им: *bobotati [ЭССЯ 2: 143], *gogotati [ЭССЯ 6: 194–195], *xohotati [ЭССЯ 8: 55], *kokotati [ЭССЯ 10: 117], *lolotati [ЭССЯ 16: 11], *momotati [ЭССЯ 19: 208], *mykati «мычать» [ЭССЯ 21: 35], (*mūkētei >) *myčati «мычать» [ЭССЯ 21: 24], чеш. *foukat* «дуть», русск. *выкать*, *тыкать*, *акать*, *окать*, *дакать*, *гакать*, *хихикать*, *хекать*, *шикать*, *пишикать*, *улюлюкать*, *цокать*, *изгогокать*, *квакать*, *мекать*.⁷ Однако, по всей вероятности, это лишь случайное совпадение.

3. Состав склонения

3.1. Достоверно праславянскими словами с параллелями в балтийских языках являются: *nogъть «ноготь», а также его приставочное производное *разnogъть «копыто», *olkъть «локоть», *degъть «дѣготь», *desęть «десять» и *dънь «день».

Числительное *desęть вошло в описываемый тип склонения уже в балто-славянскую эпоху, в праиндоевропейском оно было несклоняемым. На первый взгляд в этом факте нет ничего удивительного, поскольку подобно слову *rečать (см. ниже) оно стало склоняться так же, как *nogъть в связи со сходством финалей. Однако интересно то, что числительные *rečъть, *šestъ и *dewęть, в праиндоевропейском также несклоняемые, в праславянском вошли в другой тип – тип на *-i-. Объяснение, заключается в том, что эти процессы хронологически относятся к разным эпохам. Как известно, числительные *rečъть, *šestъ, *sedmъ, *osmъ и *dewęть не являются прямыми продолжениями старых количественных числительных, а новообразованы от порядковых *rečъть, *šestъ, *sedmъ, *osmъ и *dewęть. И если склонение типа *desęть, G. *desęte имеет параллель в литовском *dešimtis* (G. *dešimtes* у Даукши)

⁷ В русском -к- появляется не только между гласными, но и перед гласным после сонорного: *гавкать*, *тявкать*, *чавкать*, *рявкать*, *айкать*, *ойкать*, *гамкать*, *шамкать*, *каркать*, *гаркать*. Ср. также польск. *kitkać* «квакать».

«десять»⁸ [Stang 1966: 280], то числительные 5–9 в балтийских языках склоняются иначе.

В свою очередь то, что 10 начало склоняться раньше, чем 5–9 тоже вполне понятно, поскольку в рядах числительных 11–19 и 20–90 в праславянском были необходимы формы loc.sg. и gen.pl.: *pęть на *desęте «пятнадцать», *pęть desęть «пятьдесят».⁹ По распространённой версии, ожидаемое *desin > *desę было вытеснено существительным со значением «десяток» (ср. совр. лит. *dešimtis* «десяток») [Stang 1966: 280]. Однако если реконструировать праиндоевропейскую форму как *dekmt, а не *dek̃m, в пользу чего, например, говорит *d̃uidek̃mtih₂ «двадцать» с застывшей формой двойственного числа, то нельзя исключать и того, что -t- здесь исконное, а склонение типа *desęть, G. *desęте возникло в результате выравнивания парадигмы после отпадения конечного *t: *desint : *desintes > *desin : *desintes > *desintis : *desintes.

3.2. К потенциально праславянским словам без параллелей в балтийских языках, засвидетельствованным во всех трёх основных подгруппах славянских языков относятся два случая:

*larpъть «лапотъ» [ЭССЯ 14: 32–34]¹⁰;

*węхъть «пучок соломы» < *węха «соломенный жгут, вязанка» [Фасмер 1: 308].

3.3. Слова, возможно, могущие претендовать на праславянский статус: *kogъть «коготь». Несмотря на то, что данное слово не встречается в южнославянских языках, на мысли о его праславянском статусе наводит отсутствие прозрачной производящей основы в позднем праславянском. Дискуссия об этимологии слова *kogъть имеет долгую историю и обширную литературу. Опишем лишь основные моменты. Среди лингвистов нет консенсуса, как выглядел корень: *kog- или *kok-, поскольку часть засвидетельствованных форм славянских языков и диалектов демонстрирует один согласный, а часть – другой [ЭССЯ 10: 109–110]. На первый взгляд, в пользу *kok- говорит отсутствие эффекта закона Винтера в корне [Kassian 2009: 178], что противоречит реконструкции *kog-. Но второй согласный обычно восстанавливается как непридыхательный звонкий на основании сопоставления с прагерманским *hakō «крюк» [Orel 2003: 154], а как недавно показал Г. Кронен, прагерманскую парадигму следует реконструировать как *hagō,

⁸ В значении «десять» используется несклоняемое *dēšimt*.

⁹ В прабалтийском числительные 11–19 образовывались иначе, ср. лит. *penkiolika* «пятнадцать».

¹⁰ В ЭССЯ записано как *larpъть/*larpъть.

G. *hakkaz¹¹ [Kroonen 2011: 256; Kroonen 2013: 203], что позволяет для раннего праславянского восстанавливать корень *kog^h-. Однако здесь мы сталкиваемся уже с другой проблемой: как корень структуры *kok-, так и корень структуры *kog^h- были невозможны в праиндоевропейском. Если оставаться на славянской почве, приверженцы *kokъt- считают формы с *g* возникшими под влиянием слова *nogъtь [Шанский 8: 184] или апеллируют к ситуации с русским *мяжок* < *meĭkъkъ [Kassian 2009: 178]. Сторонники реконструкции *kogъt- объясняют формы с *k* и *x* ассимиляцией согласных [Фасмер 2: 275]. Нам кажется наиболее вероятным вариант с оглушением *gt* > *kt* в косвенных падежах после падения редуцированных и последующим обобщением основы (как в болгарском *нокът* «ноготь» и польском *raznokieć* «ноготь»). Разумеется, реконструкция напрямую увязана с этимологией. Одна из популярных версий, как было выше упомянуто, связывает *kogъtь с п.-герм. *hakō «крюк», а также хет. *kakaš* (н.) «зуб» [Orel 2003: 154], что, впрочем, отвергается А. Клухорстом, сомневающимся в индоевропейском характере германского слова [Kloekhorst 2008: 427–428]. Учитывая описанные сложности, *kogъtь остаётся тёмным образованием, со значительной долей вероятности присутствовавшим уже в праславянском.

*коръtь¹² «копоть» < п.-и.-е. *k₂er- [ЭССЯ 11: 29–30] или *k^(w)h₂uor-o- [Derksen 2008: 233]. Широко распространено в западно- и восточнославянских языках, но, кажется, отсутствует в южнославянских. Если принятая в литературе этимология, сравнивающая славянское слово прежде всего с литовским *kvāpas* «запах», верна, то *коръtь должно иметь или праславянский статус или быть образовано от позднее утраченного праславянского *коръ (что предполагалось в литературе, хоть и без убедительных доказательств см. [Sławski 2: 454–455]).

*реѣtь (м.) «печатать». Существуют две основные этимологии этого слова, одна считает заимствованием из грузинского *beċedi* «печатать» через тюркское посредство, другая считает исконным дериватом от *рек- «печь» с суффиксом *-ѣtь [ESJS 11: 633–634]. Второй вариант, предполагающий наличие уникального суффикса *-ѣtь, кажется менее вероятным. Поэтому даже несмотря на широкую распространённость потомков слова *реѣtь в славянских языках, версия заимствования выглядит предпочтительнее, а тюркские языки как ближайший источник заставляют относить его к постпраславянской эпохе. В анализируемом склонении слово *реѣtь попало по аналогии со словами на *-tь, даже

¹¹ В работе 2011 года Кронен даёт реконструкцию *hēgō, G. *hakkaz.

¹² В ЭССЯ даётся как *коръtь / *коръtь.

несмотря на неполное совпадение финалей. Аналогию этому процессу можно найти в получении чешскими заимствованными существительными *anděl* «ангел», *manžel* «муж» и *Španěl* «испанец» окончания *-é* в ном.pl. (*anděle, manželé, Španělé*) по аналогии с исконными существительными с суффиксом *-tel* (*učitelé* и т.д.).¹³

*ролъть «половина туши» < *ролъ «половина». Данное слово хорошо представлено в западно- и восточнославянских языках [Фасмер 3: 316], но его праславянский статус сомнителен в силу отсутствия когнатов в южнославянских языках. Хотя с ним сближают слвн. *plât* (f.) «сторона, часть», которое выводят из *polъ [Bezlaј 3: 49–50; Snoј 2016: 546], словенское слово позволяет и иную трактовку. В словаре Плетершника оно засвидетельствовано также в форме мужского рода – *plât* (G. *plâta* и *plâtû*) [Pleteršnik 2: 49], что, кажется, позволяет сопоставить его со старославянским *платъ* «кусок такни, полотна» [SJS 3: 47–48], др.-русск. *платъ* «кусок ткани» [СРЯ XI–XVII 15: 75], и польским *plat* «локут, кусок; ломоть; участок, полоса (земли); доля (мозга)». ¹⁴ Дериваты от потенциального *ролъть усматривают также в схр. *plâtica* «дощечка» и *plâtina* «колода, полено» [Bezlaј 3: 49–50; Snoј 2016: 546]. П. Скок упоминает также топоним *Plat* и производные от него, а также диал. *plat* «бедро» и «*jufka od koje se pravi nadjevena pita; ploča od gvožđa, plasa*» [Skok 2: 678], что, однако, на наш взгляд, не делает это сравнение более убедительным. Скок пишет также о старославянском слове *платъ* «*latus, strana*», а Безлај и Сной называют его церковнославянским, однако в доступных нам словарях старо- и церковнославянских языков такого слова не обнаружилось. В то же время «Български етимологичен речник», упоминая церковнославянское *платъ* пишет, что в плане значения оно идентично старославянскому *платъ* «кусок ткани» [БЕР 5: 315], так что нельзя исключать, что в случае фигурирующего в литературе церковнославянского *платъ* «сторона» мы имеем дело с фантомным словом. Если учесть, что *ролъ относилось к старым основам на *-и-, весьма привлекательным кажется предположение Вайяна, что *ролъть входило в число слов, на основе которых сформировался суффикс *-тъ- [Vaillant 2: 231]. Однако для принятия этой гипотезы необходимо доказать праславянский характер *ролъть.

¹³ Подобные процессы, конечно, могут затрагивать не только свежие заимствования. Схожим образом сло-ва *host* «гость», *soused* «сосед» и *Žid* «еврей» получили в ном.pl. окончание *-é* наряду с исконным *-i*, видимо, по аналогии с формой *lidé* «люди».

¹⁴ Чешское и словацкое *plât* «пластина» сюда, по всей видимости, не относятся, а скорее являются герма-низмом [Machek 1968: 455; Rejzek 2001: 472; Králik 2015: 444].

*troxъть / *тъгхъть < *troxa [Фасмер 4: 107; ESJS 16: 991]. На первый взгляд, континуанты этого слова присутствуют во всех трёх основных подгруппах славянских языков. Однако встречающееся в восточнославянских памятниках тръхъть, трърохот «мелкая монета» отмечено только в церковных памятниках [СРЯ XI–XVII 30: 184] и скорее должно быть признано фактом церковнославянского языка, соотносимым со ст.-сл. тръхъть «мелкая монета» [SJS 4: 505]. Кроме того, чеш. *trochet* «небольшое количество» обладает иным вокализмом и, в данном случае имеет смысл видеть независимую деривацию от одного корня на разных ступенях вокализма в старославянском и чешском.

3.4. Постпраславянские образования, представленные более чем в одной подгруппе (по шестичленной классификации):

*drobъть «крошка» < *drobiti «дробить» [SP 4: 249; ЭССЯ 5: 120];¹⁵

*golъть < *golъ «голый» [ЭССЯ 7: 16; SP 8: 74];

*каръть «капля» < *karati «капать» [ЭССЯ 9: 150];¹⁶

*каръть «некий вид обуви» < *кар- «хватать» [ЭССЯ 9: 150–151]. Существует версия о постпраславянском заимствовании из венгерского *karca* «портянка» [Sławski 2: 51–52];

*klarъть «колода» < *klatati «хлопать» [ЭССЯ 9: 186–187]; в ЭССЯ реконструируется как *klarъть / *klarъть;

*коръть «копотъ» < *kuor- «пахнуть» [ЭССЯ 11: 29–30];

*krъхъть «крошка» < *krъxa «крошка» [ЭССЯ 13: 52–53].¹⁷

¹⁵ В ЭССЯ реконструируется праформа *drobъть.

¹⁶ В ЭССЯ реконструируется праформа *каръть.

¹⁷ В ЭССЯ записано как *krъхъть.

Таблица 3. Распределение слов с формантом *-тъ из пунктов 4.3 и 4.4 в славянских языках

	вост.-юж.	зап.-юж.	чеш.-сл.	луж.	лех.	вост.
*kogъть			чеш. диал.	в.-луж. н.-луж.		др.-рус. рус. укр. бел. диал.
*korъть			др.-чеш. чеш. ст.-слвц.	н.-луж.	др.-пол. польск.	др.-рус. рус. укр. ст.-бел. бел.
*rolъть			чеш. слвц.	в.-луж.	польск.	др.-рус. рус. укр. бел.
*troxъть / *tъgxъть	ст.-сл. ц.-сл.		чеш.			
*drobъть		слвн. схр. (дериват)	др.-чеш. чеш. слвц.			
*golъть			др.-чеш. чеш.			др.-рус. бел.
*karъть			др.-чеш. чеш.			укр. (дериват)
*karъть			слвц. (дериват)		польск. словин.	рус.
*klarъть			др.-чеш. чеш.		польск.	укр.
*kъgxъть		слвн. схр.				др.-рус. рус. укр.

Согласно данным, внесённым в таблицу, наиболее продуктивным формант *-тъ был в чешско-словацкой и восточнославянской подгруппах, менее – в лехитских и западно-южнославянских языках, ещё менее в лужицких и восточно-южнославянских. На то, что это, скорее всего, не артефакт материала (то есть, потенциально худшей проработанности лужицких, болгарских и македонских данных), указывает также то, в каких отдельных славянских языках засвидетельствованы дериваты на *-тъ.

3.5. Слова, засвидетельствованные только в отдельных языках или подгруппах

ст.-рус. *ломоть*, рус. *ломоть*, бел. диал. *лomoць* и *ломаць* < *lomiti «ломать» [ЭССЯ 16: 29];

рус.-цсл. *кoпькъть* – *кpεαυρίς* «вилка» (Иоанн Златоуст, XV век) [Срезневский 1: 1282]. В конечном счёте, вероятно, производное от *kopati, подобно слову *корье;

слвн. *lěhat* «часть поля под каменной оградой» < *lěxa [Pleteršnik 1: 502; Miklosich 1875: 202];

ст.-чеш. и чеш. *krapet* «капля» < *krapati [ЭССЯ 12: 95];¹⁸

ст.-чеш. *kropet* «капля» < *kropiti «кропить» [ЭССЯ 13: 12];¹⁹

польск. диал. *kikieć* «кулья» < *kyka [Vaillant 2: 230];

польск. *klykieć* / *knykieć* «мышцелок; фаланга пальца» < *klyk* «клык» [Vaillant 2: 230];

польск. *pyreć* «типун» < нем. *Pips* [Vaillant 2: 230];

польск. *rareć* «копыто вепря; портупея для сабли» [Bańkowski 2014: 17]. Баньковский пытается вывести из *гъръть, что, конечно, возможно только в случае гиперкорректного изменения из *герещ.

др.-польск. *splacheć* «небольшой кусок поля», польск. *splacheć* / *placheć* / *szplacheć* «лоскут» < *plaxa [SS 8: 350; Linde 1812: 549; Vaillant 2: 230; Woguś 2005: 568];

польск. диал. *krepeć* «крепыш» < *krepy* «крепкий» [Vaillant 2: 230];

польск. диал. *rupeć* «каменистая земля» < *rup* «глист» [Bańkowski 2014: 182];

польск. *szczubeć* «щепотка» [Linde 1812: 532].

3.6. Слова, без должных оснований относимые в данный тип склонения некоторыми учёными

*лєрѣть «лоскут» (< *lepetati / *lepotati / *lepytati в значении «обдирать, обрывать») реконструируется в [ЭССЯ 14: 133–134] на основании контекста «И не остана отъ имѣний его ни мала лѣптя срачицы на погребение безсуднаго его трупа» (Иное сказание, XVII век) [СРЯ XI–XVII 8: 207] и объединяется в одну словарную статью с *лєрѣта (рус. диал. *лєптá* «о том, кто говорит невнятно» и блр. диал. *лэпта* «недотёпа»), однако эта реконструкция представляется необоснованной в свете наличия рус. диал. *лєпєть* «лоскут» (в словарной статье даётся с пометкой *ж.*, но тут же приводится пример с мужским родом: «шубного лєптя в доме нет») [СРНГ 16: 362].

¹⁸ В ЭССЯ записано как *кгарьть/ъ.

¹⁹ В ЭССЯ записано как *кгорьтъ.

рус. *москоть* (ж.) «собирательное название химических веществ, используемых в промышленности» А. С. Львов выводил из *moskъть с суффиксом *-ът-, а корень соотносит с п.-и.-е. *mesk- «вязать, плести» [Львов 1982: 116–117]. Несмотря на то, что сама форма *москоть* засвидетельствована лишь в XIX веке, однокоренные ей слова *москотье*, *москотинье*, *москотилье* отмечаются уже с XIII века [СРЯ XI–XVII: 271–272]. Однако как выбор корня (ср. версии о заимствовании [Фасмер 2: 661]), так и реконструкция суффикса вызывают большие вопросы. Даже если согласиться со славянской этимологией, женский род слова, его собирательное значение и небеглое -о- говорят против реконструкции основы на *-ъть. Отсутствие когнатов за пределами русского языка кроме того свидетельствует против проецирования на праславянский уровень.

рус.-цсл. *стръмочь* «внутри» [Miklosich 1875: 202; Miklosich 1977: 894] – гапакс, являющийся наречием, поэтому наличие в нём суффикса *-ъть находится под большим сомнением.

цсл. *жкъть* «коготь; якорь» [Vaillant 2: 229]. Несмотря на то, что в таком виде это слово действительно встречается в памятниках, преобладает форма *жкъть* женского рода, как в русских, так и сербских памятниках, поэтому в данном случае выделяется суффикс *-от-, а не *-ът- [ЭССЯ 40: 53].

ст.-чеш. *hnilet*, -i (f.), реже -a / -u (m.) «гниль, гниение» [Vaillant 4: 700]. Скорее всего, производное на *-ёдъ [ЭССЯ 6: 174].

3.7. В глаза бросаются фонотактические ограничения, накладывавшиеся на формант *-ъть. В праславянском он поначалу присоединялся только к основам, заканчивавшимся только на заднеязычные, что перекликается с описанной выше ситуацией в литовском, однако потом его сочетаемость расширилась также на основы на губные и *l.

Разделим описанные выше существительные на три основных пласта.

Праславянский слой: *nogъть, *raznogъть; *olkъть; *degъть; *lapъть; *węхъть; *kogъть; *коръть

Постпраславянский слой: *polъть; *troхъть / *тырхъть; *droбъть; *golъть; *каръть; *каръть; *klarъть; *коръть; *krъхъть

Инновации отдельных языков: *ломоть*; *копкъть*; *krapet*; *kropet*; *ki-kieć*; *klykieć* / *knykieć*; *rupеć*; *rapeć*; *splacheć*; *krepeć*; *szczubeć*

Количественно они распределяются следующим образом (*nogъть и *raznogъть учитывались как одна основа):

Таблица 4. Последний согласный основы существительных с формантом *-ъть в праславянском и отдельных славянских языках

	k	g	x	p	b	m	l
Праслав.	1	3	1	2	0	0	0
Постпраслав.	0	0	2	4	1	0	2
Отд. языки	3	0	1	5	1	1	0

Неясно, можно ли в данном случае говорить о некой «диссимилиации», однако фактом является то, что после основ на зубные согласные формант *-ъть не использовался, при том не только в праславянскую эпоху, но и после распада праязыка.

Этот на первый взгляд непримечательный факт подтверждает дентально-велярный характер артикуляции позднепраславянского *l и может служить аргументом против гипотезы Л. Л. Касаткина о том, что в течение всего праславянского периода, а также в начальный древнерусский этап *l носил «среднеевропейский характер» [Касаткин 1996].

3.8. Отдельным вопросом является соотношение дериватов на *-ъть и *ъть. Как уже указывалось выше, в Этимологическом словаре славянских языков нередко допускается двойная реконструкция (*-ъть/ь) или даже реконструкция *-ъть там, где предпочтительнее было бы видеть *ъть.

В случае форманта *-ъть, кажется, единственным по-настоящему древним образованием является *osъть «осот»,²⁰ точно соответствующее лит. *āšutas* «конский волос».

Потенциально праславянскими образованиями являются *šъръть «шёпот», *горъть / *гъръть «ропот» и *търъть «топот». Также сюда относят *свъкъть [ЭССЯ 3: 197–198], *клекъть [ЭССЯ 9: 193–194], тикътъть «стук дятла» [Срезневский 3: 945], цикътъть «соловьиное пение» [Срезневский 3: 1609]²¹ и стръпътъть «труд, работа» [Срезневский 3: 562–563]. Почти все они образованы от звукоподражательных глаголов.

Однако правомерность реконструкции суффикса *-ът- в этих примерах может быть поставлена под сомнение. Так, болг. *шепот*, чеш. *šepot* и отсутствие беглости гласного в русском *шепот* говорят скорее в пользу реконструкции с *-от-. Более того, именно *-от- характерен для суще-

²⁰В этом случае ЭССЯ также даёт альтернативную реконструкцию *osъть, однако все примеры, на кото-рых она основывается, – женского рода [ЭССЯ 36: 79], так что в них предпочтительнее видеть поздние инновации.

²¹Срезневский записывает *щекотъ* «соловьиное пение» из «Слова о полку Игореве» как *щекътъ* [Срезнев-ский 3: 1609], однако не приводит форм косвенных падежей, а чешское *štěkot* «лай» и вовсе заставляет сомневаться, в том, что тут был формант *-ъть, а не *-отъ.

ствительных, производных от звукоподражательных глаголов: *gogotъ [ЭССЯ 6: 195], *groxotъ [ЭССЯ 7: 135–136], *xlopotъ/*klopotъ [ЭССЯ 8: 36–37], *xohotъ [ЭССЯ 8: 55–56], *klokotъ [ЭССЯ 10: 65], болг. *trónom* «топот», *русск. рокот, стрекот, монот, цокот*, чеш. *brekot* «плач», *cvrkot* «стрекотание», *dupot* «топот», *dusot* «топот», *chrapot* «хрип», *já-sot* «ликование», *jekot* «визг», *klapot/klepot* «стук», *pleskot* «плеск», *pra-skot* «треск», *rachot* «грохот», *skřipot* «скрип», *štěkot* «лай», польск. *beł-kot* «бормотание», *bulgot/gulgot* «бульканье», *charkot* «хрип», *chlupot* «хлюпанье», *chrobot* «скрип, шорох», *dygot* «дрожь», *furkot* «гудение», *gruchot* «грохот», *hurkot/hurgot* «грохот», *jazgot* «шум, лягз», *lomot* «гул», *lopot* «хлопанье», *loskot* «грохот», *rechot* «гогот», *stukot* «стук», *turkot* «тарахтение» и т.д.

Безусловно, этот вопрос ещё нуждается в дополнительном изучении, однако даже сама семантическая ограниченность дериватов с этим суффиксом позволяет нам реконструировать существительные из пунктов 3.4 и 3.5 с формантом *-ъть.

4. Судьба форм рассматриваемого склонения в отдельных славянских языках

4.1. Старославянский

В старославянском языке слова из анализируемого склонения уже начинают переходить в более продуктивные типы на *-i- и *-o-, причём это взаимодействие отмечается уже в памятниках узкого канона, ср. формы *ins.pl. ногътъч* и *ногътъми* в Супрасльской рукописи.

Таблица 5. Склонение слов **дѣнь** и **дѣсть** в старославянском [SJS 1: 539; 477]:

	дѣнь		дѣсть	
	СОГЛ.	*-і-	СОГЛ.	*-і-
nom.sg.	дѣнь		дѣсть	
gen.sg.	дѣне	дѣни	-	дѣсти
dat.sg.	дѣни		дѣсти	
acc.sg.	дѣнь		дѣсть	
voc.sg.	дѣнь	-	-	-
ins.sg.	дѣньнѣ		дѣстьнѣ	
loc.sg.	дѣне	дѣни	дѣсте	дѣсти
n.-a.du.	дѣни		дѣсти ²³	
g.-l.du.	дѣноу ²⁴	дѣнию	дѣстоу	-
d.-i.du.	-		дѣстьна	
nom.pl.	дѣне	дѣние, дѣни	дѣсте ²⁵	дѣсти
gen.pl.	дѣнѣ	дѣнии	дѣстѣ	дѣстини
dat.pl.	дѣньнѣ		дѣстьнѣ	
acc.pl.	дѣни		дѣсти ²⁶	
ins.pl.	дѣны	дѣньни	дѣсты	дѣстьни
loc.pl.	дѣньхѣ		дѣстьхѣ	

Таблица 6. Склонение слов ***ногѣть** и **лакѣть** в старославянском [SJS 2: 438–439; 105]:

	*ногѣть		лакѣть	
	СОГЛ.	*-і-	СОГЛ.	*-о-
nom.sg.			лакѣть	-
gen.sg.			лакѣте	-
acc. sg.			лакѣть	лакѣтъ
n.-a.du.			лакѣти	-
g.-l.du.			лакѣтоу	
nom.pl.	- ²⁷		-	
gen.pl.	ногѣтъ	ногѣтини	лакѣтъ	
acc.pl.	ногѣти		-	лакѣтъы
ins.pl.	ногѣтъы	ногѣтъни	лакѣтъы	

²² на **дѣсть** в поздних памятниках.

²³ **дѣстѣ/дѣсте** в Христинопольском апостоле (XII век, русская редакция).

²⁴ В Ассеманиеве евангелии мы находим также форму **дѣню**, возникшую под влиянием типа на *-jo-.

²⁵ **дѣстини** в nom. pl. для перевода *oi déka*.

²⁶ также **дѣсте** (по аналогии с nom.pl.).

²⁷ В памятнике XV века русской редакции с чешским протографом «Некоторая заповедь» или «Святых Апостол Правило» встречается форма **ногти** [SJS 2: 439] (вместо **ногѣте** или **ногѣтие**), но она носит очевидно поздний характер

Отметим, что *-о-формы слова лакътъ фиксируются лишь в поздних памятниках: асс. sg. лакътъъ появляется в Григоровичеве паримейнике (XII-XIII век, болгарский извод), а асс. pl. лакътъы в Хвалове рукописи (XV век, сербский извод) [SJS 2: 105].

4.2. Древнерусский

В древнерусском языке относительно хорошо сохранялась парадигма слова дънь [Хабургаев 1990: 63].

4.3. Древнечешский

Описываемый тип склонения частично сохранился в древнечешском, где исходные формы задержались в gen.sg. (*lokte*) и dat.sg. (*lokti*), а также в nom.pl. (*lokte*) и gen.pl. (*loket*) [Bauer et al. 1986: 172]. В современном чешском слова *den* и *loket* сохраняют архаичные формы в gen. sg. и dat.sg., исходная форма местного падежа слова *дънь сохранилась в словосочетании *ve dne* «днём», а старая форма gen.pl. *loket* используется в сочетаниях с числительными в значении меры длины (X *loket* «X локтей»).

4.4. Древнепольский

В древнепольском также лучше всего сохраняет старые формы слово *dzień*: loc.sg. *we dnie*, наряду с *dniu*; nom.pl. *dnie*, наряду с *dni* и *dniowie*; асс. pl. *dnie*, наряду с *dni* [SS 2: 294]. В современном польском застывшая форма старого локатива осталась в выражении *we dnie i w nocy* «днём и ночью».

5. Всё вышесказанное можно резюмировать в виде следующих положений:

а) в определённый момент истории праславянского языка парадигма слов *nogъть «ноготь», *olkъть «локоть», *degъть «дѣготь» и *desęть «десять» выделилась из основной массы согласного склонения в отдельный тип склонения за счёт введения в nom.sg. окончания *-is > *-ь. Позднее в этот тип склонения влилось также слово *дънь «день», но основным источником его пополнения служили дериваты с формантом *-тъ. К праславянскому слою таких дериватов можно отнести *lapъть «лапоть» и wѣхъть «пучок соломы». Со значительно меньшей степенью уверенности к таковым можно отнести также *kogъть «коготь», *korъть «копоть» и *roľъть «половина туши». В постпраславянскую эпоху этот формант имел наибольшую продуктивность в чешско-словацкой и восточнославянской подгруппах.

б) Формант *-ъть первоначально присоединялся к основам, заканчивающимся на заднеязычный согласный, затем также к основам на губной. Показательно, что среди дериватов на *-ъть есть примеры с основой на -l, что свидетельствует в пользу дентально-велярного характера позднеславянского *l.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БЕР (1971–2010): *Български етимологичен речник*. Под ред. В. Георгиева, И. Дуриданова, М. Рачевой, Т. Тодорова. София: Издателство на Българската академия на науките. Томове 1–7.
- КАСАТКИН, Л. Л. (1996): К истории <л> в русском языке. 2. В: *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1991–1993*. Москва: ИРЯ РАН, с. 236–250.
- ЛЬВОВ, А. С. (1982): Из лексических наблюдений. В: *Этимология 1980*. Москва: Наука, с. 114–119.
- САЕНКО, М. Н. (2019): Периодизация истории праславянского субстантивного склонения. В: *Балто-славянские исследования XX*. В печати.
- СРЯ XI–XVII (1975–2015): *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Москва: Наука. Тома 1–30.
- СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И. (1893–1912): *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук. Тома I–III.
- СРНГ (1965–2017): *Словарь русских народных говоров*. Санкт-Петербург: Наука. Выпуски 1–50.
- ФАСМЕР, М. (1986–1987): *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Прогресс. В 4-х томах.
- ХАБУРГАЕВ, Г. А. (1990): *Очерки исторической морфологии русского языка*. Имена. Москва: Издательство МГУ.
- ШАНСКИЙ, Н. М. (1963–2007): *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Издательство МГУ. Тома 1–10.
- ЭССЯ (1974–2018): *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Москва: Наука. Выпуски 1–41.
- WAŃKOWSKI, A. (2014): *Etymologiczny słownik mowy polskiej*. Częstochowa: Linguard. Tom 3, część 1.
- BAUER et al. (1986): Bauer J., Lamprecht A., Šlosar D. *Historická mluvnice češtiny*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- BEEKES, R. (2010): *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden, Boston: Brill.
- BEZLAJ, F. (1976–2007): *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Ljubljana: Mladinska knjiga. Knjige I–V.
- BORYŚ, W. (2005): *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- DERKSEN, R. (2008): *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden, Boston: Brill.
- ESJS (1989–2018): *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Brno: Academia, Tribun EU. Sešity 1–19.

- KASSIAN, A.S. (2009): *Anatolian lexical isolates and their external Nostratic cognates. Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности*. Выпуск XXVIII, с. 152–186.
- KLOEKHORST, A. (2008): *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden, Boston: Brill.
- KRÁLIK, L. (2015): *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava: Veda.
- KROONEN, G. (2011): False exceptions to Winter's Law. In: *Accent matters. Papers on Balto-Slavic Accentology (Studies in Slavic and General Linguistics 37)*, p. 251–261. Amsterdam, New York: Rodopi.
- KROONEN, G. (2013): *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden, Boston: Brill.
- LINDE, S. B. (1812): *Słownik języka polskiego*. Warszawa. Część III, czyli volumen V.
- MACHEK, V. (1968): *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd.
- MATASOVIĆ, R. (2009): *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden, Boston: Brill.
- MIKLOSICH, F. (1875): *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. II. Band. Stammbildungslehre*. Wien: Wilhelm Braumüller.
- MIKLOSICH, F. (1977): *Lexicon paleoslavenico-graeco-latinum*. Aalen: Scientia Verlag.
- OREL, V. E. (2003): *Handbook of Germanic Etymology*. Leiden, Boston: Brill.
- OTRĘBSKI, J. (1965): *Gramatyka języka litewskiego. Tom II: Nauka o budowie wyrazów*. Warszawa: PWN.
- PIWOWARCZYK, D. R. (2015): *The Proto-Indo-European*-VTs# clusters and the formulation of Szemerényi's Law. Indogermanische Forschungen*. T. 120, 1. p. 269–278.
- PLETERŠNIK, M. (2006): *Slovensko-nemški slovar*. Ljubljana: Založba ZRC.
- REJZEK, J. (2001): *Český etymologický slovník*. Voznice: Leda.
- SKOK, P. (1971–1973): *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Knjige I–III.
- SJS (1966–1997): *Slovník jazyka staroslověnského*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd. Svazky 1–4.
- SŁAWSKI, F. (1952–1982): *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Towarzystwo miłośników języka polskiego. Tomy I–V.
- SNOJ, M. (2016): *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Založba ZRC.
- SP (1974–2001): *Słownik Praslówiański*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN. Tomy 1–8.
- SS (1953–2002): *Słownik staropolski*. Wrocław, Kraków, Warszawa: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN. Tomy I–XI.
- STANG, Chr.S. (1966): *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*. Oslo, Bergen, Tromsø: Universitetsforlaget.
- DE VAAN, M. (2008): *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden, Boston: Brill.
- VAILLANT, A. (1950–1977): *Grammaire comparée des langues slaves*. Lyon, Paris: Editions IAC; Klincksieck. Tomes I–V.
- VONDRÁK, W. (1928): *Vergleichende Slavische Grammatik. II. Band. Formenlehre und Syntax*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Профиль автора:

Саенко Михаил Николаевич, кандидат филологических наук

Институт славяноведения Российской академии наук,

Москва, Ленинский проспект, 32а

www.inslav.ru

veraetatis@yandex.ru